

Москва-милосердие
1961, июль

Поставлено Товстоноговым

ТЕАТР

Сквозь темноту, туман, ветер и дождь медленно движется по дороге тюремная машина. Уныло выводит свою бесконечную, монотонную лесню негр-арестант.

— Заткнись, черномазый! Негр и белый — двое, скованные одной цепью, — встают в кузове грузовика во весь рост, ненавидящие, готовые броситься друг на друга. И вдруг — удар, грохот, потом полная тишина. Двоим, скованным цепью, во время катастрофы удалось бежать...

«Скованные цепью» — фильм, снятый известным американским режиссером Стенли Крамером. Сценарий этого фильма, написанный Н. Дугласом и Г. Смитом, был опубликован в прошлом году в журналах «Иностранная литература» и «Искусство кино». Сейчас Ленинградский Большой драматический театр имени Горького показал в Москве свой новый спектакль «Не склонившие головы», поставленный по киноповести Н. Дугласа и Г. Смита Георгием Товстоноговым. Работа весьма необычная и рискованная — это в доказательствах не нуждается.

...К месту происшествия собрались люди — официальные лица и просто так, любопытные. Режиссер подчеркивает, что это очень разные люди. Сейчас их объединило только одно — всем предстоит участвовать в погоне за бежавшими арестантами.

Капитан полиции (артист В. Кузнецов) — человек безжалостный и решительный, сторонник крайних мер. Что ж, ловить преступников — его профессия. А шериф (артист Н. Корн) мягок, добр, нерешителен. По долгу службы он должен возглавить эту операцию, которая ему глубоко неприятна. Шериф убежден, что его отряду не составит труда поймать двух измученных, изголодавшихся парней и что по отношению к ним необходимо проявить максимум гуманности и человечности. Почтенные обыватели, развлекавшиеся охотой на зайцев и случайно оказавшиеся поблизости, — ну, эти в роли преследователей выглядят открыто комично и несерьезно.

Самые разные люди... Но поймать двух голодных, измученных парней, вырвавшихся на свободу после многих лет заточения, оказалось не так-то просто, как представлялось всем, кроме многоопытного капитана. И по мере того, как шло время и беглецы приближались к границе штата, разные люди становились все менее разными. Охота на человека стирала их индивидуальности, придавая им одно — решающее и страшное сходство... Вот уже мягкий, добрый шериф отменяет приказ, велит держать наготове собак и раздраженно торопит капитана. Скоро выборы, у шерифа — жена и двое детей, а человек, проваливший столь сенсационную операцию, может потерять выгодную должность...

Было, однако, обстоятельство, которое, кажется, гарантировало успех. Начальник тюрьмы, сковавший одной цепью негра и белого, не был, по словам шерифа, лишен чувства юмора. Начальник тюрьмы считал, что можно не торопиться: беглецы убоют друг друга, не пройдя и пяти миль...

Нельзя сказать, что этот проницательный начальник был далек от истины. Джексон и Галлен несколько раз были готовы к тому, чтобы вцепиться друг другу в горло. В последнюю секунду останавливало лишь то, что если один будет убит, другой не уйдет далеко, волоча за собой на цепи труп.

Е. Копелян, играющий Джексона, с великолепной психологической точностью передает ненависть белого к негру, ненависть, впитанную с молоком матери и чудовищно развитую годами изнурительной, обезличивающей жизни в «свободной» Америке. Но сильнее всего у актера те сцены, где он показывает пробуждение в Джексоне человека, мучительное, трудное, но неизбежное зарождение в нем симпатии к Галлену, уважения к мужеству, стойкости, смелому человеческому достоинству негра.

Вот они стоят — двое перед толпой озверевших жителей поселка. Беглецов поймали, когда они хотели достать себе какой-нибудь еды, и теперь собираются их линчевать.

«Вы не можете линчевать меня, я белый!» — в истерике кричит Джексон, а Мак, один из жителей, насмешливо обрывает его: «Ну так я тебе покажу, из какого ты сорта белый!» — и приказывает негру плюнуть Джексону в лицо. Галлен плюет... в лицо Маку.

Ужас, растерянность, недоумение, зависть — самые противоречивые чувства на лице Джексона — Е. Копелян: белый понял, что презираемый негр оказался выше, достойнее, человечнее его. Сейчас, перед озверевшей толпой, трудно осмыслить случившееся, но когда Большой Сам, бывший каторжник (его с уверенной и спокойной силой играет В. Полищак), рискуя, освобождает беглецов, когда Джексон вновь на свободе, он уже не может не думать об этом. И пусть именно теперь нанесет он Галлену самые страшные оскорбления, станет инициатором дикой драки. Им движет уже не ненависть, а стыд за свое малодушие, злоба на себя и смятение оттого, что прежние, казалось, прочные жизненные позиции развалились, рассыпались, и несмелое желание вновь утвердиться на этих позициях — желание безнадежное и тщетное.

Жаль, что П. Луспекаев, играющий Галлена логично и по-своему интересно, не поднимается до того уровня драматизма, который оказался доступным Е. Копеляну.

Но наиболее, быть может, крупное актерское достижение спектакля — исполнение З. Шарко роли женщины. Резкий, беспощадный внешний рисунок роли. Вызывающая вульгарность манер и щемяще-жалкие попытки быть развязной, неотразимой, обольстительной. А за всем этим — такая иступленно-мучительная, всепоглощающая жажда чего-то (она сама не знает, чего), не похожего на ее смертельно серое, тусклое прозябание, что, как только появилась неверная, призрачная надежда на маленькое счастье, она все забыла — честь, совесть, оказалась способной на садистскую жестокость, лишь бы не потерять эту надежду.

Несколько дней, даже несколько часов назад Джексон наверняка остался бы с ней, но слишком многое перевернуло в его жизни эти несколько часов. И он, оторвав от себя обезумевшую от отчаяния женщину, раненый, бросается на поиски Галлена, которого она, пообещав спасти, послала в непроходимые, гибельные болота.

И вот финал спектакля. Застыли, не в силах сдвинуться с места достигшие, наконец, цели преследователи. Они уничтожены, раздавлены открывшейся перед ними картиной: двое, белый и негр, обнялись по-братски и поют,

даже не глядя в их сторону. Это та самая песня, которую мы слышали в начале спектакля. Но теперь звучит она не уныло и монотонно, а мужественно, глубоко человечески, потому что поют ее люди, которые познали цену большой человеческой дружбы, которым доступны теперь чувства самые чистые и высокие, — поют люди, ставшие людьми в эти страшные, трагические часы...

Пожалуй, финальная сцена — высший взлет и в другом спектакле, поставленном в нынешнем сезоне Георгием Товстоноговым и показанном театром на московских гастролях. Спектакль этот — «Гибель эскадры» Александра Корнейчука.

...Моряки по приказу Ленина топят черноморскую эскадру. Палуба корабля, который должен уйти под воду последним. Звучит строгий, торжественный марш. Открывается люк, на палубу поднимается матрос. Медленно идет, жадно, с мужественной скорбью в последний раз всматривается в корабль, запоминая его до мельчайших подробностей. Потом поднимается второй матрос, третий, четвертый... И каждый медленно, очень медленно проходит по палубе, каждый по-своему прощается с кораблем. И мы тоже всматриваемся — всматриваемся в лица, навсегда запоминая их. Не колоритный, красочный образ матросской массы. Нет, каждого в отдельности. Несколько минут длится эта молчаливая, без единого слова сцена, исполненная самого высокого трагизма.

Финал представляется мне ключом к этой работе Товстоногова, он открывает неопровержимо и убедительно, во имя чего в 1960 году обратился режиссер к старой, давно не шедшей пьесе Корнейчука.

Совершенно очевидно, что трагедийность свойственна дарованию Товстоногова — режиссера глубоко современного. Свидетельство тому — и «Оптимистическая трагедия», и «Эзоп», и «Идиот», да и «Не склонившие головы» тоже. В «Гибели эскадры» режиссер вновь ищет образ спектакля трагедийного, но и вместе с тем современного. Именно во имя последнего он не ограничивается показом матросской массы, ищет детальную психологическую разработку каждого характера. И вот перед нами во многом додуманные, дополненные режиссером, актерами Балтиец (Е. Копелян), Кобза (Е. Лебедев), Адмирал (Н. Корн) — персонажи живые, щедро индивидуализированные, запоминающиеся.

Но пьеса Корнейчука дает слишком мало материала для такой актерской и режиссерской работы. Написанная в 1934 году и весьма характерная для своего времени, она великолепно воссоздает коллективный образ моряков черноморской эскадры. Что же касается каждого героя в отдельности, то почти все они однолинейны, несложны. Придать персонажам многогранность, психологическую убедительность, оживив тем самым драматургию кое в чем устаревшей пьесы, режиссеру удастся далеко не всегда.

Успех «Гибели эскадры» свидетельствует о том, что поиски, предпринятые режиссером, были плодотворными. И еще о том, что театру сейчас остро необходимы трагедийные пьесы современных драматургов, что даже самое лучшее из созданного в этом жанре в 20—30-е годы не может вполне удовлетворить требованиям современной сцены.

Н. ЩЕРБАКОВ.